

Михаил Минаков

Утопические образы Запада и России у сторонников Евромайдана и их противников: элементы идеологического оформления конфликта в Украине 2013-2014 гг.

Изучая политические процессы в постсоветских странах, все чаще встречаешься с ростом значимости иррационального. Одним из проявлений этого является избегание политики в пользу утопических идеологических построений. В дни массовых протестов в Украине в период с ноября 2013 по январь 2014 (собственно, до этого дня) мне вновь пришлось убедиться, что модернизационные и антидемократические политические цели аргументируются самым странным, зачастую утопическим образом.

В этой статье я рассмотрю то, как утопические образы Запада и России оказываются одним из аргументов для участия в массовых политических движениях. Для этого в первой части я опишу основные понятия (идеология, утопия и их речевые выражения), во второй – метод интервьюирования и анализа данных, а в третьей – собственно утопические образы Запада и России у сторонников Евромайдана и их противников.

1. Без политики

В первые недели массового протеста в Украине «гражданский» и «политический» майданы были географически разведены. Гражданские активисты заняли собственно Майдан (площадь Независимости). Активисты оппозиционных партий окопались на Европейской площади. И хотя в последствии протестующие группы слились, попытка четкого разделения «граждан» и «политиков» была симптоматичной. Этот симптом проявляется у протестующих. Утопические представления о возможности радикальных изменений общества, экономики и политики – неотъемлемая часть массовых протестов последних месяцев.

Данный утопический симптом связан с историческим опытом постсоветских народов. За недолгую историю независимой Украины ее население часто разочаровывалось в политике как средстве коллективного выживания. Наличная социальная реальность воспринималась и продолжает восприниматься как не вполне приемлемая, неправильная, нуждающаяся в исправлении.

Разочарование в политике – не уникальная черта ни украинского общества, ни постсоветских народов в целом. В своей статье Мэт Слит привел целый список причин разочарования в политике во всем мире, от демократий до диктатур¹. Значительная часть из них – медлительность в реализации решений, прагматизм реальной политики, недовольство правилами политической конкуренции и ее результатами – совпадает с постсоветской ситуацией. Однако своеобразие ситуации постсоветской Украины еще и в особой чувствительности к успеху или неудаче своего политического проекта. Надеждой и доверием, двумя проявлениями социального капитала, так часто злоупотребляли, что недоверие к политикам переносится на всю политическую систему.

Как недоверие к политике может влиять на развитие массовых протестов? Для ответа на этот вопрос важно различать политический и идеологический способ мышления. Для нашего случая важно различие мышления политического и мышления идеологического по признаку вовлеченности в разные типы действия, которое предложил Майкл Фриден. Политическое мышление связано с направленностью на принятие решения, которое будет воплощено в реальность в случае удачи (получения властной позиции). Идеологическое мышление – это «мышление о политике» и «касается форм и разнообразия взглядов людей [...] относительно центральных вопросов и проблем, с которыми встретились их общества: демократия, бедность, война, приватная и публичная сферы, за которого из кандидатов голосовать и тому подобное, а также когда они конкурируют за значение употребляемого ими языка и результаты, к которым ведут его ограничения и возможности»². В ситуации нынешних массовых протестов эта позиция проявилась и в виде двух майданов в начале, и в виде нынешних разногласий между гражданскими группами и политической оппозицией относительно следующих шагов. Оппозиция говорит на языке политики, а массы – на языке идеологии.

Утверждая это, я попадаю в странную ситуацию. С эпистемологической точки зрения, доминирование идеологического языка у протестующих и их противников несомненно. Однако ответить, о какой именно идеологии – консервативной, либеральной или какой еще – идет речь, невозможно. В отсутствии идеологического оформления, примиряющего с социальной реальностью, нынешний политический кризис привел к тому, что люди с различными политико-идеологическими убеждениями действуют по одну сторону баррикад. Исследования постсоветских «цветных революций» уже фиксировали солидарные действия масс, состоящих из групп, исповедующих различные, подчас несовместимые в политике, идеологические взгляды³. Так на Майдане оказываются одновременно сторонни-

¹ Sleat M. Hope and disappointment in politics // Contemporary Politics. 2013. Vol. 19. Issue 2. P. 131-145, здесь p. 132ff.

² Freeden M. Editorial: Thinking politically and thinking ideologically // Journal of Political Ideologies. 2008. Vol. 13. Issue 1. P. 1.

³ Этот феномен уже был описан в ряде исследований цветных революций, например: Fischer S. Crises and conflicts in post-socialist societies: the role of ethnic, political and social identities. Stutt-

ки мультикультурализма и расисты, либеральные демократы и социал-националисты, предприниматели и левацкие активисты.

В данном случае говоря об идеологическом мышлении речь о том, что Карл Мангайм называл «тотальной идеологией»: набором общих мировоззренческих убеждений, «трансцендирующих ситуацию идей, которые никогда де факто не реализуют свои проектируемые содержания»⁴. То есть речь идет не о системах политических идеологий, а о чем-то более глубоком и неуловимом, внедренном в анонимные структуры языка и социальной реальности, позволяющие использовать идеологические утопические аргументы в пользу политических изменений, но без применения политических инструментов.

Сам термин «утопия» многозначен и ценностно перегружен. В данном случае я употребляю его нейтрально, указывая на идеологическую особенность ситуации отказа от политического способа мышления. И Мангайм, и современная социальная эпистемология указывают на то, что идеология постоянно держит фокус на политической сфере⁵. Однако этот фокус может быть разным: с пониманием особенностей политического или с игнорированием политического. Второй случай и есть утопический.

В политическом измерении утопическое мышление завязано на трех аспектах: времени, пространстве и языке, их выражающем. В первом случае утопический подход лелеет надежду на социальное изменение «тут и теперь и именно в данной ситуации»⁶. Образцом такого является требование протестующих к Виктору Януковичу немедленно покинуть свой пост, не создавая политических предпосылок для такого решения. В то же время пространственное измерение является крайне важным. Бернелл и Дейл указывают на то, что утопическая политика оперирует образами организации пространства в соответствии с заявленной целью⁷. Нынешними образчиками такой образности является геополитика как набор верований в Запад, Европейский Союз, Россию и США. Украина рассматривается как некое место, способное дрейфовать по поверхности Земли «в Европу» или Россию, распасться на части и прочее. Визуализация этих переживаний заполняет газеты и сайты Украины и России. Оба аспекта также отражены в речи участников Евромайдана и Антимайдана⁸: как звучащей со сцен, так и в толпе. Эта же

gart, 2008. P. 112ff; Xianghong Z., Shu Ya. «Color Revolution» under the Vision of Social Movement Theory // *Russian, Central Asian & East European Studies*. 2006. Vol. 2. P. 6-9; Минаков М. «Цветные революции» в постсоветском мире: причины и последствия // *Общая тетрадь*. 2012. № 2(59). С. 2-19.

⁴ Mannheim K. *Ideology and Utopia. An Introduction to the Sociology of Knowledge*. L., 1960. P. 176.

⁵ Mannheim. *Ideology and Utopia*. P. 175-6; Kenny M. Exploring «the Utopian» in Political Ideologies // *Journal of Political Ideologies*. 2007. Vol. 12. Issue 3. P. 211-217.

⁶ Buber M. *Paths in Utopia*. Boston, 1958. P. 16.

⁷ Burrell G., Dale K. *Utopiary: Utopias, Gardens and Organization* // *Utopia and Organization* / Ed. M. Parker. Oxford, 2002. P. 106-27, здесь p. 110.

⁸ Евромайдан – общее название протестов, направленных как против отказа ассоциации с ЕС, так и против правления Виктора Януковича; в значительной мере Евромайдан ассоциируется с

речь полна странного оптимизма, рожденного отношением к целям безотносительно инструментов. Об этом аспекте утопических революционных движений пишет Антонио Грамши: «Эпитет "утопическая" не применяется к политической воле вообще, а лишь к той воле, которая не способна совместить средства и цели, а потому – это не совсем воля, это – капризы, мечты, склонности и т.п.»⁹. Утопическое мышление воплощает оптимизм относительно возможности социальной трансформации, проявление воли к действию и социальному изменению, без отдаления себе отчета, как именно это должно происходить.

Утопический ответ на проблемную социальную реальность связан с идеологической дисфункциональностью постсоветских обществ. Одна из особенностей тотальной идеологии – примирение с реальностью. И в постмарксистской традиции, и в либеральной теории, и в методологических изысканиях этнологов – идеология кроме негативного эффекта обмана имеет и позитивный результат: социальный мир, согласие с самообманом относительно собственного интереса. Наличие полноценной тотальной идеологии мешает революции, но делает возможным сотрудничество и доверие членов общества. В постсоветском обществе наличие низкого социального доверия и восприятие социальной реальности как сомнительной с точки зрения ее приемлемости говорит об отсутствии целостной устоявшейся мировоззренческой идеологии.

Можно предположить, что после травмы тоталитарной идеологии и в результате нового социального опыта построения демократии и свободного рынка в 1990 – 2000-х годах, сомнения – здоровый ответ людей, переживших распад Союза и «войну всех против всех» времен возобновляющегося капитализма. Именно это заставляет исследователей изучать не целостные идеологии, а так называемые «идеологические маркеры». С одной стороны, это вполне измеримые единицы речи и верований, а с другой стороны такой подход позволяет не претендовать на изучение идеологической целостности, в чьем существовании так много сомнений.

В этой связи, внимание на употреблении языка и присутствующих в нем идеологических маркеров позволяет понять ожидания протестующих и их противников, а также происходящее в коллективных жизнях на Евромайдане и Антимайдане. Услышать людей обеих сторон конфликта – важная задача для социального философа.

движением за демократические ценности в самом широком смысле, хоть и при участии праворадикальных антидемократических сил. Антимайдан – общее название реакции противников Евромайдана, объединяющей как активистов сетей Партии Регионов и приверженцев действующего президента Украины, так и наемных участников акций (от мирных до погромных).

⁹ Gramsci A. Selections From The Prison Notebooks. N.Y., 1971. P. 175.

2. Vox Populi

Во время массовых протестов в Украине я провел интервьюирование активистов Евромайдана и Антимайдана с целью выявить их устоявшиеся идеологические представления. Меня интересовало мнение активистов по базовому набору идеологических маркеров, долгое время использовавшихся для постсоветской Украины¹⁰. Этот набор включает в себя: 1) частная собственность, 2) один государственный язык или два/больше (статус украинского, русского и прочих употребляемых в Украине языков), 3) президентская или парламентская республика, 4) интеграция с Европой или Россией (или путь неприсоединения), 5) роль церкви в политике (и вопрос одной поместной православной), 6) выбор в пользу демократии и рынка в 1991 году, 7) отношение к СССР, 8) отношение к сторонам Второй мировой войны (Красная Армия, УПА).

Интервьюирование проходило на Майдане Независимости и в Мариинском парке города Киева в два этапа: мирный период и конфликтный период.

В первый этап (с 11 по 22 декабря 2013 г.) я проинтервьюировал 18 человек из числа сторонников Евромайдана и 17 человек из активных участников Антимайдана. Интервьюирование я проводил лишь тех, кто проявил значительную приверженность акциям, то есть тех, кто заявил о том, что принимает участие в протесте (или протесте против протеста) не за деньги¹¹, принимал участие в акциях не менее трех раз и провел хотя бы одну ночь на месте протестов. Важным критерием отбора было также то, что интервьюируемый не является членом организационных сетей и способен артикулировать свои мысли и переживания. Большинство собеседников были из Киева/Киевской области: 10 из 18 на Евромайдане (при 4 из западных, 1 из северных и 3 из юго-восточных областей) и 9 из 17 на Антимайдане (при 2 из западных, 4 из северных и 2 из юго-восточных областей).

Общие данные о проинтервьюированных в этот период:

	Муж / жен	говорит на укр/рус	получил школьное образование в СССР / Украине	получил выс- шее образова- ние в СССР / Украине
Евромайдан	10/8	9/9	8/10	5/6 из 18
Антимайдан	10/7	7/10	7/10	4/5 из 17

¹⁰ Об этом см.: Головаха Є. Інституціональні зміни в Україні: шлях до кризи і шляхи виходу з неї // Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг / За ред. В. Ворони, М. Шульги. Київ, 2011. Т. 1. С. 11 и сл.; Вишняк О. Політична система України в соціологічному вимірі: динаміка членства в політичних партіях та партійної ідентифікації громадян // Українське суспільство. Двадцять років незалежності. Соціологічний моніторинг / За ред. В. Ворони, М. Шульги. Київ, 2011. Т. 1. С. 111.

¹¹ В данном случае при отборе был значительный элемент субъективности интервьюера: я продолжал общение лишь с теми, кому верил, что он/она действительно являются неэкономически мотивированным приверженцем одной из сторон конфликта.

Во второй этап (с 17 по 28 января 2014 г.) я проинтервьюировал 22 человека из числа сторонников Евромайдана и 20 человек из активных участников Антимайдана. К вышеназванным критериям в этот период добавился показатель участия в радикальных действиях: по девять человек с каждой стороны заявили, что принимают участие в активных действиях конфликта. Большинство собеседников были из Киева/Киевской области: 14 из 22 на Евромайдане (при 4 из западных, 3 из северных и 3 из юго-восточных областей) и 11 из 20 на Антимайдане (при 2 из западных, 5 из северных и 2 из юго-восточных областей).

Общие данные об опрошенных в этот период:

	Муж / жен	говорит на укр/рус	получил школь- ное образование в СССР / Украине	получил высшее обра- зование в ССР / Украине
Евромайдан – мирный (13)	7/6	8/5	4/9	3/5 из 13
Антимайдан – мирный (11)	5/6	5/6	5/6	4/5 из 20
Евромайдан – участник радикальной группы (9)	9/0	8/1	1/8	6 из 9 студен- ты на данный момент
Антимайдан – участник радикальной группы (9)	9/0	5/4	0/9	5 из 9 студен- ты на данный момент

В данных интервью меня интересовала не репрезентативность, а убедительность ответов, предоставляющих данные об идеологических ориентирах (маркерах) участников протестов и их противников с возможностью их экстраполяции на идеологическую ориентацию большей части населения Украины.

Для целей данной статьи я буду использовать ту часть полученных данных, которая позволяет судить о паттернах отношения участников Евромайдана и Антимайдана к Европе, России и СССР. Такой выбор связан с тем, что в отношении геополитических образов у активистов с обеих сторон проявлялись самые утопические элементы мышления. При этом суждения о собственности и типе республики были прагматичны и относились скорее к паттернам политического мышления. Разговор о выборе 1991 года в пользу демократии и свободного рынка, а также о государственном языке имел идеологический характер.

Для выделения из речи моих собеседников собственно утопических идей я пользовался набором характеристик, предложенных Майклом Кенни: 1) упомин-

нение об идеальном состоянии общества, 2) упоминание о более моральном обществе, роли морали для развития, 3) представления о совершенном обществе будущего и его достижениях, 4) разные формы «социальных мечтаний», продвигающие ценности, альтернативные современным¹². Вопрос достижимости и времени выполнения я подымал во всех случаях. В результате, именно геополитические ориентиры позволяли высказаться моим собеседникам по всем четырем аспектам утопических идей.

При этом во время наших бесед я придерживался метода анализа речевых актов, разработанного Квентином Скиннером на основании современных теорий аналитической философии языка¹³. В частности, я проверял высказанные мнения собеседников в трех измерениях употребляемых ими понятий: 1) стандартное употребление слова, характерное для этого собеседника (смысл), 2) соотношение понятия со «всею областью референций»¹⁴ (значение) и 3) соотношение смысла и значения в понятии. Применяя оба подхода, я получил следующую картину.

3. Что в имени тебе моем?

По отношению к Западу и России четыре группы собеседников (мирные протестующие Евромайдана, радикальные активисты Евромайдана, мирные активисты Антимайдана и радикальные активисты Антимайдана) проявили несколько наборов утопических отношений, преодолевающих их место в нынешнем конфликте.

3.1. Запад

В беседах о Западе я выделил три четких паттерна: «почти идеальное место», «хорошо, но не наше» и «хитрый враг».

3.1.1. Запад как «почти идеальное место» оказался образом желаемого личного будущего полностью для обеих мирных групп. Особенно позитивными аспектами Запада называли справедливый суд и высокий доход работающих. Кроме того, там «хорошо для детей», поскольку в школах «хорошо учат» и «не берут взятки», а на улицах для них безопасно.

Со стороны мирных участников с обеих сторон Запад ассоциируется с США как силой и Европой как уютным местом, «куда Украина должна прийти». Это долженствование было повторено во всех без исключения беседах. Однако на вопрос, как этого достичь, собеседники терялись. Их ответы сводились либо к лич-

¹² Kenny M. Exploring «the utopian» in political ideologies // Journal of Political Ideologies. 2007. Vol. 12. Issue 3. P. 212.

¹³ Skinner Q. Language and Political Change // Political Innovation and Conceptual Change / Ed. T. Ball, J. Farr et al. Cambridge, 1995. P. 6-23, здесь p. 11ff.

¹⁴ Ibid. P. 11.

ной ответственности «быть европейцем», «не сорить» и помогать соседям, либо отсылали к политическим лидерам, которые должны построить «новое государство». Вопрос, почему Украина должна идти в Европу, вызывал смущение. Разговор уходил либо в историческую плоскость («мы – часть Европы», «мы там были с поляками в старину»), либо в моральную плоскость. Последняя связана с уверенностью (повторена почти во всех беседах), что «высокая мораль» украинцев поможет Европе «пережить кризис», а европейская финансовая поддержка «поможет нашему развитию».

Очень важно отметить, что, рассказывая о Западе, мои собеседники говорили больше всего о личном измерении. Едва речь заходила о присоединении к ЕС или другого рода государственной интеграции, как возникали сомнения. Если сомнения мирных были риторически смазаны, то в беседах с радикалами обеих сторон звучали сомнения в том, «есть ли смысл в такой жизни» (это выражение использовали довольно часто). Сытая Европа хороша для отдельного человека, однако для государства Украина большинство из всех четырех групп чувствовали смутную угрозу и возможное унижение («опять нами будут править»). Когда речь заходила о США, то их «идеальность» вызывала скорее холодность. Речь тут же касалась силы и денег, но без личной привязанности. Той теплоты, которую собеседники чувствовали к Западу-Европе, к Западу-США они не проявляли.

Паттерн Запады-Европы как «почти идеального места» связан с переживанием будущего времени, как среди разделяющих мнение о желательности евроинтеграции, так и у тех, кто ее не поддерживает. Во многих ответах звучала уверенность в том, что Украина станет такой же, как Европа: свободной и богатой. Почти идеальный Запад описывается очень четко и в пространственных терминах. Прежде всего Запад отождествляется с Европой как геополитической единицей, с которой есть некоторая связь – и ее нужно развивать. Отдельной частью Запады называют США. В Европе также выделяют

- 1) «наших» (полуироничный-полупрезрительный тон о посткоммунистических соседях, не без нотки зависти);
- 2) западную Европу (Германию, Францию и Британию с нейтрально-уважительной тональностью);
- 3) кризисный юг (Италия, Греция и Испания, к которым негативное отношение как к местам, «где нас не уважают» и где «сейчас весь кризис»);
- 4) Скандинавию, в «которой социализм» (настоящий, хороший социализм, а не «тот, что был у нас»; именно в этой части собеседники используют самые положительные обороты).

При том, что Запад хорошо знаком по книгам, фильмам и поездкам (около половины собеседников из «мирных» там бывали), в речи проговаривается дистанция между Украиной и Западом. Эту дистанцию признают почти все, говоря о границе между теми странами, которые развиваются и которые приходят в упа-

док (Украина, Молдова, отчасти Россия). Язык описания этого паттерна – спокойный, задумчивый, часто ироничный. За европейцами признается успех, но не сила; за американцами – сила, но не родственность.

Для представителей мирного большинства обеих противостоящих групп Европа кажется местом, приближенным к идеалу личной свободы, демократического управления и достатка. Обе группы считают, что «почти идеальным» Запад делает именно возможности для отдельных индивидов при неуверенности в приемлемости Запада для украинского государства.

Личный опыт пребывания в странах Запада не сильно влияет на утопичность его восприятия. Один из собеседников недолгое время был рабочим в Польше. Он оценивает свой опыт в Польше как неудачный: его не уважали, нечестно относились и обманули при расчете. Однако эту неудачу в своей ситуации он не соотносит с Западом в целом: это действительно «почти идеальное место».

3.1.2. Запад как «хорошо, но не наше» объединил бóльшую часть радикалов Евромайдана и значительную часть мирных антимайдановцев.

В данном случае образ Запада в большинстве эпитетов совпадает с эпитетами предыдущего паттерна, но с неожиданными отрицательными оценками. Так, собеседники соглашались, что для себя и для своей семьи жить так, как на Западе, было бы хорошо. Но эта готовность плоха, поскольку разрушает «нашу уникальность и аутентичность». Клише «аутентичность» в этой связи повторялась часто, а собеседники вкладывали в нее много искреннего позитивного надындивидуального.

Запад часто рассматривается и как «исторический враг, который вместе с Россией нас грабил и уничтожал». В большинстве случаев именно эта группа использовала язык боли, связанный с переживанием за судьбу коллективного «украинства» и «державности».

В случае с этим паттерном, время Запада отличается от времени Украины. Идея изоляционизма проговаривается в терминах несовместимости Украины в том числе и по временным параметрам. Мы несопоставимы и с добрыми, и со злыми соседями: наше настоящее – это все, что у нас есть; прошлое и будущее очень сомнительны.

Также и пространственное измерение Запада принципиально иное. Запад «где-то там», отстранен в невидимое далекое. Эта дистанция – данность, и поменять ее невозможно.

Язык этой группы связан с некоторым фатализмом и самоотверженностью. Приоритет коллективного обосновывается украинскими литературными клише («доля народа», «дело украинства», «украинская аутентичность», «тысячелетняя державность») даже в тех случаях, когда собеседник говорил на русском или суржике.

3.1.3. Запад как «хитрый враг» оказался характерен для всех проинтервьюированных групп, однако большинство разделяло его среди радикалов Антимайдана.

Образ Запада как врага оказался связан с лексикой теории заговора, где целями США и Европы являются «наши недра», «наши девчата» и «наши мозги». При этом назвать какие именно недра у нас ценятся, собеседники не могли. Они же признавали, что «наши бабы сами едут на Запад». То же касалось и ученых. На вопрос, готовы ли они уехать на Запад, большинство сознавалось, что готово. Но для страны интеграция с Западом – зло. Это зло, прежде всего, связано с потерей себя как исторической единицы.

Собеседники этой группы были особенно скупы на откровенность. Участвовать в научном проекте для них было сродни общению с «западным человеком», хоть моя идентичность запорожца и гражданина Украины не ставилась под сомнение. Конспирологические подозрения не отступали от моих собеседников на всем протяжении наших разговоров.

Для этой группы утопических представлений Запад находится в потусторонней реальности, куда возможен лишь личный доступ. При этом выход «в ту сторону» необратим; даже вернувшись, люди перестают «быть нашими», «их словно подменяют».

Язык описаний этой группы больше всего связан с суржигом, смешением слов из украинского и русского языков. Скупость выражений и язык тела выдавали определенный страх перед расчетливо-умным и непонятно холодным Западом.

3.2. Россия

Если отношения к Западу имеют три паттерна, то отношение к России резко делит собеседников на два лагеря, говорящих о соседней стране в терминах «братская земля» и «коварный враг». При этом видение врага в России объединяет мирных и радикальных представителей Евромайदानа, а образ братской России разделяют обе подгруппы Антимайдана.

3.2.1. Россия – «братская земля» не только выражение, уходящее корнями в советское прошлое. Оно в подавляющем большинстве случаев произносилось собеседниками живо и эмоционально как по отношению к прошлому, так и в отношении современного состояния дел.

Братскость России проявляется в исторических и современных терминах. Исторически Россия и Украина были вместе и тогда «нам было хорошо». Позитивность единства объясняется «славянскими корнями», наследием Руси и величием Советского Союза. Славянство вызывало непосредственно теплые слова и язык тела; некоторое вытесненное расовое предубеждение проявлялось в понимании «искусственности границ» и «разделения на национальные квартиры» (еще один советский термин). Русь описывалась в терминологии «общая колыбель», однако с привкусом приоритета Украины («Киев-то наш!»). Наконец, величие СССР проявлялось в коллективном успехе, описать который, тем не менее, собеседники

могли лишь отрывочно: «нас боялись», «мы полмира кормили» и «было хорошее образование и медицина».

Отдельно стоит отметить роль образа Путина в принятии положения о братскости России. Путин оказывается лидером, заботящимся «о простом народе». Тут утопические черты легко смешиваются с собственным опытом поездок в Россию к родственникам или общения с ними. Величина зарплат и пенсий играет важную роль для сравнения с «неправильной» Украиной, которая «в Союзе была богатой, а при независимости стала нищей». Успех России при этом четко связан с образом заботливого Владимира Путина.

В большей части риторика, связанная с разговором о России, касалась прошлого – давнего и недавнего. Будущее время вытеснялось из разговора в пользу воспоминаний. Современность переживается как определенная травма в отношении между «братскими народами», которых ссорят политики.

В той части бесед, где образ России был выражено утопичным, она представляла огромной, но «единой и неделимой». Когда же речь становилась более рациональной, то выделались богатая Москва, страшный Кавказ и дикая Сибирь. Пространственно эта группа представляет Россию как страну «гораздо ближе, чем Запад».

Язык описания России как «братской страны» был теплым, но часто сбивался в клише еще советских времен, за которым стоит не столько личное переживание, сколько коллективное. При разговоре о России ее образ срастался то с СССР, то с империей («в хорошем смысле», как замечали несколько собеседников). При этом украиноговорящие или же русскоговорящие (но с сильной примесью суржика) переходили на более или менее литературный русский.

3.2.2. Россия – «коварный враг». Это выражение использовалось не часто у активистов Евромайдана, но, пожалуй, емко описывает всю палитру переживаний, связанных с негативным образом России.

Враждебность по отношению к России преимущественно описывается как «справедливая оценка» опасного соседа. Негативными синонимами России были коварство, злоба, дикость и жестокость. Эти же качества касались выражений Кремль, Москва, ФСБ/КГБ, Север и Восток. Язык ненависти менялся на язык презрения, когда речь заходила о неславянстве русских («финно-угры») и любви к шансону.

Личный позитивный опыт пребывания (или даже рождения) в России не менял негативности выражений. Человеческие отношения забываются, как только речь заходит о некоей сущности, ассоциируемой с холодом и ужасом. При этом вспоминаются утраты родных в советские времена, и ответственность приписывается России как врагу живого и хорошего в Украине.

Отдельного упоминания заслуживает оценка того, что основная часть плохого, происходящего в данный момент в Украине, связана с Россией. Собеседники уверенно говорят о «русском спецназе» и «кремлевских советниках», подсказываю-

щих Януковичу как убивать и провоцировать украинцев. Самые разные теории заговора были озвучены в связи с замыслами Кремля «вернуть Украину в ярмо» и «сделать наших детей рабами».

Как и в случае с позитивным образом, время негативного образа постоянно уходит в прошлое. Речь идет как о «трехсотлетии вместе», «когда нас стало мало, а русских много», так и о последних месяцах. Разговор о будущем отношений России и Украины сходил на нет, предполагая, что в будущем Россия «распадется и не сможет нам вредить».

Кроме того, негативный образ России несколько уменьшался, если речь заходила о ее пространственном устройстве. Северный Кавказ и Сибирь вызывали некоторые теплые высказывания («там наших много»). Неизменно негативные выражения закреплены лишь с Москвой и Кремлем как полюсами метафизического зла.

В пространственном отношении носители негативного образа России склонны к выражениям создания все большей дистанции с «опасным соседом». Язык, церковь, литература, кино, искусство, границы, «информационное пространство» и многое другое должны быть лишены связи с Россией.

В данном случае язык описания России колебался между языком ненависти и языком презрения. В обоих случаях использовались клише, характерные для национал-патриотической риторики. При этом в подавляющей части бесед мои собеседники переходили на украинский язык, даже если владели им не в полной мере.

4. Выводы

Важно напомнить, что в данной статье я рассматривал лишь утопические аспекты мышления участников массовых протесов и их противников. При этом за пределами остались и рационально-политические, и политико-идеологические аспекты их мировоззрения. В этой связи, без обобщений, я могу лишь заметить, что иррациональные мотивы участия в украинских политических протестах важны и весомы.

Благодаря интервью со значительным числом людей, вовлеченных в нынешний конфликт, мне пришлось убедиться, что, несмотря на значительную рационализацию наших культур в XX веке, политические убеждения значительно связаны с утопическими идеями. Геополитические утопии имеют большое значение в артикуляции собственных мотивов участия в политических движениях.

Влиятельность образов Запада и России для определения политических симпатий украинцев, по всей видимости, является проявлением слабости политического и политико-идеологического мышления. По всей видимости, украинский политический класс не вполне способен донести свои идеи и программы до ак-

тивных граждан. Недостатки политической коммуникации восполняются утопическими иррациональными элементами, разрывающими мировоззрение современных украинцев противоречиями между рациональными и иррациональными идеями и образами.